

П.П. ЧЕРКАСОВ

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИЙСКО- ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1856–1870 годов

Немаловажную роль в европейской дипломатии Нового времени, особенно с середины XIX столетия, играли личные контакты между представителями правящих династий, многие из которых находились в прямом или косвенном родстве¹.

Этим контактам способствовало интенсивное развитие железнодорожного сообщения в Европе, существенно сократившего расстояния между столицами Старого Света и открывшего новые возможности для решения неотложных, зачастую щекотливых политических вопросов, требовавших личного участия монархов или их доверенных лиц из числа членов царствующих фамилий. В моду также вошли заграничные поездки августейших особ на лечение водами или проведение зимнего сезона на германских, швейцарских, французских и итальянских курортах. Поездки на отдых нередко сопровождались важными конфиденциальными политическими переговорами.

Подобная практика была усвоена и российским императорским домом. Вскоре после окончания в 1856 г. Крымской войны возобновились прямые контакты правящей династии Романовых с их германскими, британскими и другими родственниками в Европе.

Новым элементом династической дипломатии этого периода явились оживленные связи петербургского двора с Тюильри, где с декабря 1852 г., вопреки решениям Венского конгресса и Парижских договоров 1814 – 1815 гг., отстранивших от власти династию Бонапартов, на троне утвердился “император французов” Наполеон III².

Здесь следует отметить, что еще за 13 лет до этого события Романовы породнились с Бонапартами. В 1839 г. император Николай I благословил старшую дочь Марию Николаевну на брак с Максимилианом Лейхтенбергским, сыном Евгения Богарне, усыновленного пасынком Наполеона I. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский, получивший в России титул Императорского Высочества, возглавлял Академию художеств. Он был крупным ученым в области гальванопластики, активно содействовал производству в России собственных паровозов. Когда в 1852 г. герцог умер, его вдова унаследовала руководство Академией художеств. С восстановлением во Франции бонапартистской Второй империи Марии Николаевне время от времени доверялись конфиденциальные миссии в контактах петербургского двора с тюильрийским, где ее принимали как родственницу.

Существовал еще один канал связи с Бонапартами. В 1840 г. Николай I дал разрешение на брак известного богача и мецената графа А.Н. Демидова с принцессой Матильдой Бонапарт, племянницей Наполеона I и кузиной будущего императора Наполеона III. Этот брак просуществовал до 1845 г. и был расторгнут по взаимному согласию. При

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ В Европе второй половины XIX в., за редким исключением оставшейся монархической, все царствующие особы считались “братьями” и “сестрами”, независимо от степени родства. Соответственно, на внешнюю политику, так же как и в средние века, они в значительной степени продолжали смотреть как на дело “семейное”, что налагало особый отпечаток на всю европейскую дипломатию.

² См. *Черкасов П.П.* Наполеон III – император французов. – Новая и новейшая история, 2012, № 1.

разводе Демидов выплатил супруге значительную денежную компенсацию и определил солидную пенсию. По всей видимости, такая щедрость в сочетании с легким, открытым характером Демидова и обеспечила ему расположение в бонапартистских кругах, что стало особенно важно в годы Второй империи. И после развода месть Анатолий Демидов продолжал быть своим человеком в окружении бывшей супруги – после 1852 г. весьма влиятельной фигуры в Тюильри.

На каком-то этапе (вторая половина 50-х – начало 60-х годов) отношения с реставратором наполеоновской империи стали для молодого царя Александра II приоритетными. Дело в том, что Наполеон III – единственный из европейских правителей – недвусмысленно намекал царю, что мог бы способствовать смягчению или даже отмене наиболее дискриминационных для России условий Парижского мирного договора 1856 г.

При этом, разумеется, он ожидал взаимных внешнеполитических услуг от Александра, причем таких, на которые Наполеон не мог рассчитывать в других европейских столицах, о чем еще будет сказано. Так или иначе, но после окончания Крымской войны начинается активное налаживание династических контактов между двумя дворами. В этом процессе нашло отражение совпадение на тот период национально-государственных интересов России и Франции. Интенсивность русско-французских династических контактов и их результативность находились в прямой зависимости от характера политического взаимодействия между Россией и Францией. Когда это взаимодействие было плодотворным, династические контакты становились оживленными и в свою очередь служили стимулятором политического диалога. Когда же обнаружились расхождения двух стран в важных политических вопросах, контакты эти ослабели и постепенно свелись к минимуму.

Пионерами русско-французской династической дипломатии после окончания Крымской войны стали два видных представителя правящих в Париже и Петербурге династий – граф Огюст де Морни³, сводный брат императора Наполеона III, и великий князь Константин Николаевич, младший брат Александра II.

Миссия Морни в Петербург в 1856 – 1857 гг., увенчавшаяся заключением торгового договора между Россией и Францией, уже освещалась нами⁴. Остается лишь подчеркнуть, что она стала отправным пунктом как для династической дипломатии, так и для франко-российского политического сотрудничества после заключения Парижского мира 1856 г.

Наполеон III вправе был ожидать ответного жеста доброй воли от Александра II, и этот жест последовал еще до возвращения Морни в Париж в июне 1857 г. В феврале этого года с дружественным визитом во Францию отправился генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ВО ФРАНЦИИ (АПРЕЛЬ – МАЙ 1857 г.)

Великий князь Константин⁵ был вторым из четырех сыновей императора Николая I. Он родился 9 сентября (с.с.) 1827 г., и был на восемь с половиной лет младше Александра, наследника престола.

³ О Морни см. *Carmona M. Morny le vice-empereur*. Paris, 2005.

⁴ *Черкасов П.П.* Граф де Морни – посол Наполеона III в Санкт-Петербурге (1856–1857 годы). – Новая и новейшая история, 2011, № 5; *его же*. Русско-французский торговый договор 1857 г. – Россия и Франция XVIII – XX века, вып. 10. М., 2011.

⁵ О нем см.: Константин Николаевич. – Русский биографический словарь. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903 (репр. воспр. М., 1995); Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994; *Воронин В.Е.* Политические взгляды и замыслы великого князя Константина Николаевича в середине 60-х годов. – Отечественная история, 2007, № 5; *его же*. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя в России (60–70-е гг. XIX в.). М., 2009 (автореф. канд. дисс.); *Завьялова Л., Орлов К.* Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи. История семьи. М., 2009.

Братья получили одинаковое воспитание под руководством одних и тех же учителей, но для Константина отец изначально предназначил пост командующего военным флотом России, и потому тот усердно изучал морское дело под руководством Ф.П. Литке, будущего адмирала, знаменитого путешественника и крупного ученого в области географии, гидрографии и физики. В течение 16 лет Литке занимался воспитанием и образованием великого князя, получившего чин генерал-адмирала и шефа Гвардейского экипажа в неполные четыре года. Его гуманитарным образованием, как и Александра, руководили В.А. Жуковский и профессор И.П. Шульгин, заложившие в мировоззрение юного генерал-адмирала либеральные начала.

В возрасте 17 лет Константин вместе с капитанским чином получил под командование свой первый корабль – бриг “Улисс”. С конца 1840-х годов император начал приобщать второго сына к участию в управлении делами государства. В 1850 г. его ввели в состав Государственного совета. С вступлением в 1855 г. на престол старшего брата Александра, с которым Константина связывали отношения доверительной дружбы, он занял пост управляющего флотом и морским ведомством с правами министра.

Константин был в курсе намерений Александра глубоко реформировать систему управления империей и решить наболевший крестьянский вопрос. В этих начинаниях Константин горячо и искренне поддерживал брата, причем его позиции были даже более радикальными, чем у царя-реформатора. С началом реформ и вплоть до середины 60-х годов Константин Николаевич, близкий круг которого составляли либерально-мыслящие политики, администраторы и литераторы, будет главным советником императора в деле внутренних преобразований.

Н.Г. Чернышевский, обычно весьма строгий в оценках представителей российской правящей элиты, выделял Константина Николаевича. По определению писателя, тот был одарен “твердым характером и сильным желанием добра”⁶.

Как член Государственного совета и главный морской начальник великий князь принимал участие и в обсуждении внешнеполитических вопросов. Император неоднократно давал младшему брату ответственные поручения дипломатического характера. Так было и в начале 1857 г., когда Константин Николаевич отправился в Ниццу, где проводила зиму его мать, вдовствующая императрица Александра Федоровна.

Узнав о его предстоящей частной поездке во Францию, Наполеон III попросил русского посла графа П.Д. Киселева передать Александру II, что очень хотел бы принять великого князя в Париже и тем самым установить личный контакт между двумя императорскими домами. “Наполеон желал бы видеть здесь великого князя Константина, приезд которого произвел бы самое благоприятное впечатление на французское общество”, – сообщал А.М. Горчакову 24 декабря 1856 г. Киселев по телеграфу из Парижа, советуя принять приглашение императора французов⁷.

Александр и его министр иностранных дел князь Горчаков посчитали личное знакомство Константина с Наполеоном полезным. Перед отъездом из Петербурга великий князь получил соответствующие рекомендации политического характера, общий смысл которых сводился к необходимости закрепить сближение двух стран, начавшееся на Парижском конгрессе⁸.

В середине февраля 1857 г. Константин Николаевич отбыл из Петербурга. Весь Великий пост он провел вместе с матерью в Ницце, а в первый день Пасхи, 20 апреля, на борту парохода “Олаф” прибыл в Тулон, где, как генерал-адмирал, был встречен со всеми подобающими почестями⁹. В Тулоне, главной базе французского военного флота

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 т., т. XIV. М., 1947, с. 309.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133 (Канцелярия), оп. 469, 1856 г., д. 151, л. 370–370об.

⁸ Об этом см. Черкасов П.П. За кулисами Парижского конгресса 1856 г. – Новая и новейшая история, 2012, № 3.

⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 142, л. 412. Киселев – Горчакову по телеграфу, 21 апреля 1857 г.

в Средиземноморье, великий князь пробыл неделю, после чего отправился в Марсель и провел там два дня¹⁰.

В четверг, 30 апреля, он был уже в Париже и в тот же вечер обедал у императора и императрицы. Перед его приездом граф де Морни сообщил министру иностранных дел Франции А. Валуевскому по телеграфу из Петербурга о вкусах и привычках великого князя, отметив его страстное увлечение музыкой. “Он любит, чтобы в его апартаментах всегда стояло пианино. Скажите об этом императору”, – писал Морни 21 апреля 1857 г.¹¹ Разумеется, все рекомендации посла были учтены. Великому князю отвели покои в павильоне Марсан Тюильрийского дворца, императорской резиденции.

В Париже Константин Николаевич провел 17 дней, заполненных посещением достопримечательных мест – Нотр-Дам, Сент-Шапель, Пантеона, Клюнийского аббатства, Обсерватории, Политехнической школы, Оперы, Севрской мануфактуры и т.д. 2 мая он совершил прогулку по бульварам, реконструируемым бароном Османом, префектом департамента Сена. (Уже в самом ближайшем будущем Большим бульварам суждено стать еще одной достопримечательностью Парижа.) И, конечно же, программа пребывания предусматривала ежедневные приемы, встречи, переговоры, торжественные и камерные (в кругу императорской семьи) обеды и ужины. 4 мая император Наполеон возложил на великого князя знаки ордена Почетного легиона высшей степени, после чего отправился с ним в Оперу.

Пребывание Константина Николаевича в Париже, естественно, было посвящено не только знакомству с городом. Все эти дни, встречаясь, великий князь и Наполеон III обсуждали насущные политические вопросы¹². Наполеон убеждал брата русского императора, что с прошлыми недоразумениями, породившими Крымскую войну, покончено навсегда, что вчерашние противники – Франция, Англия и Россия – теперь могли бы объединить свои усилия в создании новой Европы. Нужно быть готовыми, считал Наполеон, к возможным волнениям в Италии, которая стремится к объединению, не исключены восстания христиан в Турции. При этом он высказался в пользу образования как на Апеннинском полуострове, так и на Балканах федераций из небольших государств.

По мнению Наполеона, не следовало препятствовать стремлению Пруссии округлить свои владения. В то же время он достаточно пренебрежительно говорил об Австрии, дав понять, что сферу ее влияния желательно сузить – на севере Италии и в Галиции. Последняя, как он полагал, могла бы отойти к России. Со своей стороны Константин Николаевич уклонился от обсуждения темы Галиции, но с готовностью обсуждал все другие вопросы, поставленные Наполеоном. В нескольких беседах принимал участие и граф Киселев, находившийся в постоянной телеграфной переписке с князем Горчаковым.

В письме к августейшему брату Константин Николаевич подробно изложил, как видит Наполеон будущее Европы. “Вот его рассуждения, – писал великий князь из Парижа. – Чем Англия страшна для Европы? Разумеется, не сама по себе, потому что у нее армии нет, одними флотами она не может угрожать континенту. Поэтому она всегда пользуется соперничествами континентальных держав и поддерживает ту, которую избрала в свое оружие, своими деньгами и, пожалуй, своей военной силой. Если отнять у нее эту возможность, то и власть Англии пропадет. Поэтому надо ей противопоставить континент единый и нераздельный, в котором она не могла бы действовать, как доселе. Чтобы достичь этого единства континента, надо уничтожить силу Австрии, вымарать ее из списка первостепенных держав, дабы материк состоял: 1) из сильной России, 2) из сильной Франции по краям материка и 3) из полусильной Пруссии со слабой Неметчиной посредине, которую мы вдвоем с Францией всегда можем заставить быть с

¹⁰ Программа пребывания великого князя во Франции, расписанная по дням, изложена в депеше Киселева от 21 апреля. – Там же, л. 433–437об.

¹¹ Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Correspondance politique, Russie, 1857, v. 214, fol. 208.

¹² *Татищев С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006, с. 186.

нами заодно. Тогда, но только тогда, Европа будет независима от Англии. Но для всего этого надо, во-первых, уничтожить главенство Австрийского дома в Италии, а России возвратить себе старое свое историческое достояние – Галицию или старое Галицкое княжество. Вот сущность его (Наполеона – *П. Ч.*) плана, о котором он сам говорит, что это огромное дело. Мне кажется, что он его высказал в первый раз и что он начинает снимать маску со своего лица. При этом он сказал, что цель Франции и России должна быть та же самая, а именно – отделаться и освободиться от трактатов, которые их связывают. Для Франции это договоры 1814 и 1815 годов, для России – Парижский договор 1856 года”¹³.

В ходе своего пребывания во Франции великий князь получал множество писем и других обращений от французов, принадлежавших к самым разным слоям общества. Собранные воедино, они составили пухлую папку, хранящуюся в Архиве внешней политики Российской империи¹⁴. Чего в ней только нет!

Здесь и просьбы об аудиенции, и о приеме на русскую военную службу, и о заступничестве перед императором Наполеоном в освобождении из тюрем, и об амнистии “невинно осужденных”. Инвалиды и неимущие вдовы Крымской кампании, забытые (как они утверждали) собственным правительством, просили великого князя о вспомоществовании. К ним присоединялись вдовы и дети ветеранов русской кампании 1812 г. Многочисленные общества помощи бедным и обездоленным просили денег, а поляки-эмигранты – о возвращении на родину. Потерявший работу учитель Ф. Бонне умолял великого князя помочь ему в трудоустройстве, похлопотав за него перед “нашим горячо любимым императором в получении должности, которая позволит мне содержать троих детей (двух девочек и мальчика)”. Отчаявшийся месть Бонне готов был работать экспедитором, библиотекарем или его помощником, почтовым служащим, директором или учителем начальной школы.

Встречаются среди обращений также жалобы французских негодяев и представителей других профессий, связанных с Россией, на бездействие и волокиту русских чиновников, затягивающих решение различных вопросов.

Писатели, художники и композиторы направляли великому князю предложения о приобретении своих произведений, а некоторые присылали их в дар, что должно было свидетельствовать о бескорыстии авторов и почтении к августейшему адресату. Изобретатели и рационализаторы предлагали свои проекты. Один из них, месть Проспер Меллер, прислал Константину Николаевичу проект “воздушной навигации” посредством перевозки пассажиров на воздушных шарах, оценив свое изобретение в 800 тыс. франков. Другой изобретатель-урбанист, начав обращение к великому князю со слов “зная о Вашей любви к прогрессу”, предложил проект расширения улиц в обеих русских столицах и других городах России.

Трудно сказать, что делал со всеми этими обращениями Константин Николаевич. Не исключено, что в отдельных случаях он пытался помочь просителям, но никаких следов его вмешательства в их судьбу не прослеживается, во всяком случае в дипломатической переписке.

Перед отъездом из Парижа великий князь устроил прием для членов правительства и маршалов Франции, и 17 мая отбыл из политической столицы в направлении столицы французского виноделия – г. Бордо. В день его отъезда граф Киселев написал в Петербург: “Впечатление, произведенное этим визитом, как на монарха, так и на общество, превзошло все наши ожидания”¹⁵.

В Бордо Константин Николаевич провел два с половиной дня, побывал на судовой верфи и в театре, а перед отъездом передал префекту департамента Жиронда 10 тыс. франков на благотворительные цели. На борту парохода “Королева Гортензия” он посе-

¹³ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем, с. 82.

¹⁴ АВПРИ, ф. 187 (Посольство в Париже), оп. 524, 1857 г., д. 335.

¹⁵ Там же, ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 142, л. 481 об.

тил и осмотрел порты Рошфора, Гавра и Кале. В Кале сошел на берег и далее поездом отправился в Анвер, откуда его путь лежал уже в Россию.

В письме Киселеву от 24 мая 1857 г. князь Горчаков высоко оценил результаты миссии великого князя во Францию, особо подчеркнув благоприятное впечатление, произведенное им на общество. А мнение общества, писал Горчаков, очень важно для любого французского правительства. Министр указал и на ожидаемые от визита политические последствия – сближение позиций Франции и России по вопросу о Дунайских княжествах, а также о Черногории, испытывавшей сильнейшее давление Турции. Горчаков подчеркнул, что сближение с Францией носит для России не тактический или временный характер, а является совершенно осознанным выбором, продиктованным как долгосрочными интересами двух стран, так в равной степени и “внушениями географии”. Сейчас мы сказали бы – геостратегическими интересами. “Таким образом, – резюмировал Горчаков, – в наших отношениях с императором Наполеоном мы будем придерживаться самых любезных форм обхождения, с соблюдением всех нюансов вежливости. Когда же он вознамерится решать с нами какие-то дела, то найдет нас столь же бдительными в защите наших интересов, сколь и он бдителен в отношении собственных интересов”¹⁶.

Свою оценку завершившемуся визиту великого князя Константина во Францию дал и министр иностранных дел Франции граф А. Валуевский. В письме послу Наполеона III в Петербурге графу де Морни он сообщал, что молодой великий князь произвел самое благоприятное впечатление в Париже и во всех местах, где он побывал. “Личные отношения, которые Его Высочество установил между двумя правящими домами, безусловно, укрепят чувства дружбы, существующей между нами, и нас очень радует, что это отвечает интересам двух стран”, – писал Валуевский¹⁷.

Горчаков при встрече с Морни высказал аналогичный взгляд на завершившийся визит, который в Петербурге сочли весьма успешным. От себя Морни сообщил Валуевскому, что друзья великого князя, с кем он поддерживал переписку во время пребывания во Франции, рассказывали графу о ярких впечатлениях, полученных Константином Николаевичем в Париже и других французских городах, и предупредительном внимании везде, где он успел побывать. Особенно сильное впечатление на великого князя, по словам его петербургских друзей, произвел “наш флот и арсенал в Тулоне”, сообщил Морни и добавлял: “Со всех сторон я слышу самые благоприятные отзывы в русском обществе о приеме, оказанном великому князю в нашей стране”¹⁸.

Завершающим аккордом этого визита стал обмен личными посланиями между двумя “добрыми братьями” – Наполеоном III и Александром II¹⁹. Один благодарил за теплый прием великого князя, другой выражал удовлетворение тем, что появилась возможность “открыто обмениваться нашими идеями”, т.е. обходиться без посредничества дипломатов.

Посещение Франции великим князем Константином Николаевичем положило начало серии личных контактов между представителями двух правящих династий²⁰. Эти контакты сопровождались оживленной перепиской. Пример здесь подали оба императора, вступившие друг с другом в переписку по окончании Крымской войны²¹.

¹⁶ Там же, д. 145, л. 542 об. – 543.

¹⁷ Морни показал оригинал этого письма Горчакову и оставил ему копию. – Там же, д. 68, л. 108.

¹⁸ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1857, v. 214, fol. 232 verso – 233 verso.

¹⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 65, л. 8 – 8об. Письмо Александра II от 21 мая; ответное письмо Наполеона III от 17 июня. – Там же, л. 2 – 3.

²⁰ В конце 1858 г. великий князь Константин Николаевич вторично посетил Францию. На встречах с Наполеоном III он обсуждал итальянские дела и перспективу готовившейся Францией войны с Австрией.

²¹ См.: “Европа пережила беспокойные времена”. Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. Публикация и перевод документов Л.А. Пуховой. – Исторический архив, 2007, № 6. Л.А. Пуховой опубликованы 23 письма. В действительности их значительно больше. В оригиналах и копиях они хранятся как в Национальном архиве Франции в Париже, так и в АВПРИ в Москве.

От случая к случаю Александр II обменивался посланиями и с другими представителями французской императорской семьи, в частности с принцессой Матильдой, проявлявшей самый живой интерес к *haute politique*.

В переписке состояли и императрицы – вдовствующая императрица Александра Федоровна, мать Александра II, его супруга Мария Александровна и императрица Евгения. В мае 1857 г. Александра Федоровна через графа Киселева передала императрице Евгении орден св. Екатерины, учрежденный Петром Великим в 1713 г. Право награждения этим орденом, формально считавшимся вторым по значению в Капитуле российских императорских и царских орденов, принадлежало царствующей императрице, в данном случае – Александре Федоровне. Орденом св. Екатерины отмечались великие княгини, дамы высшего света и представительницы царствующих европейских домов. “Мадам, сестра моя, – писала 24 июня 1857 г. в благодарственном письме императрица Евгения, – удостоив меня знаков ордена св. Екатерины, Ваше Императорское Величество дали мне тем самым исключительное свидетельство своей дружбы, чем меня глубоко тронули... Как и Ваше Императорское Величество, я с радостью наблюдаю упрочение гармоничных отношений, которые объединяют Францию и Россию. Я хотела бы пожелать процветания Империи, управляемой мудростью Вашего Августейшего сына, и прошу Ваше Величество принять заверения в моем высочайшем уважении. Ваша добрая сестра Евгения”²².

Летом 1857 г. отношения между Россией и Францией являли собой, можно сказать, безоблачную картину. Благодаря содействию Наполеона III было достигнуто желаемое всеми и приемлемое для России разграничение в Бессарабии. Начавшееся на конференции в Париже обсуждение будущего статуса Дунайских княжеств также обещало успех. Визит великого князя Константина во Францию укрепил взаимное доверие сторон, открыв возможность для личного знакомства двух императоров. Сама идея этой встречи витала в воздухе, но реализовалась она во многом неожиданно.

ВСТРЕЧА ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ. ШТУТГАРТ, СЕНТЯБРЬ 1857 г.

Летом 1857 г. Александр II и Мария Александровна гостили в Германии, где императрица одновременно проходила курс водолечения. Там же на одном из курортов была в это время и вдовствующая императрица. Император и сопровождавший его в поездке князь Горчаков встречались с рядом владетельных германских князей, обсуждали положение в Европе. В Бадене Александра приветствовал находившийся там случайно генерал-адъютант императора французов Ревбель. Равбель выразил сожаление, что о приезде русского императора в соседнюю с Францией страну не было заранее известно Наполеону III. Он непременно приехал бы сюда, чтобы лично засвидетельствовать царю свою дружбу.

К приезду императорской семьи в Киссинген там собрались все русские послы при европейских дворах, в том числе и граф Киселев, который настойчиво убеждал государя в необходимости новых шагов к сближению с Францией. Лучше всего, как ему представлялось, было бы устроить личное знакомство двух императоров на нейтральной территории – где-нибудь в Германии. Александр не стал возражать, но заметил, что инициатива в этом знакомстве должна исходить от Наполеона. Киселев поспешил известить графа Валуевского о возможности встречи двух монархов.

Посредническую миссию в организации такой встречи взяли на себя братья Марии Александровны – принцы Александр и Людвиг Гессен-Дармштадтские, а также король Вюртемберга, пригласивший Наполеона III к себе в Штутгарт на день рождения, который отмечался 15 сентября. Как бы между прочим 75-летний король сообщал, что ждет на празднование и императора Александра. Наполеон принял приглашение, после чего началась подготовка к предстоящей встрече двух императоров.

²² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 66, л. 2.

Известие об этом немедленно разнеслось по всей Европе. Наибольшее беспокойство оно вызвало в Лондоне, где в намеченной встрече усмотрели интриги “политических аферистов” из окружения Наполеона III – графа де Морни и графа Валуевского, а также банкира И. Перейра, начавшего развивать деловую активность в России.

По совету лорда Пальмерстона и внушению французского посла графа Ж.-Ж. де Персиньи, поборника английского союза и недруга Морни и Валуевского, королева Виктория пригласила Наполеона и императрицу Евгению провести несколько дней в своем любимом месте, в Осборне, на острове Уайт. Встреча состоялась в последние дни июля, но возлагавшихся на нее Пальмерстоном и Персиньи надежд не оправдала. Наполеон, пребывавший в мрачном настроении, признался принцу Альберту, супругу королевы, что ему надоели поучения и упреки Пальмерстона, который к тому же сознательно тормозит достижение договоренностей по Дунайским княжествам. Относительно предстоящей встречи в Штутгарте император признался, что рассчитывает заручиться поддержкой Александра II в пересмотре дискриминационных по отношению к Франции статей Венского договора 1815 г. Одновременно он заверил королеву, что остается верен франко-британскому союзу. Из бесед с ней и принцем Альбертом Наполеон вынес убеждение, что ему трудно будет рассчитывать на поддержку сент-джеймского кабинета в осуществлении своих обширных планов европейского переустройства. Это лишь укрепило его желание откровенно объясниться по данному вопросу, как и по многим другим, с Александром II – объясниться напрямую, без посредничества дипломатов и без всяких обычных условностей.

Однако и тут его ждало разочарование. Петербург был далек от мысли участвовать в перекраивании карты Европы. Там дорожили обретенным в 1856 г. миром, так необходимым для осуществления внутренних преобразований, задуманных Александром II. Со своей стороны русский император и его министр иностранных дел хотели бы заручиться содействием Франции в отмене ненавистных для России условий Парижского мира и поэтому были согласны пойти навстречу притязаниям Наполеона на Савойю и Ниццу. Заодно им хотелось еще и наказать неблагодарную Австрию, предавшую русского союзника во время Крымской войны.

При подготовке встречи в Штутгарте не обошлось без интриг. В придворном окружении Александра II имелись и противники сближения с Наполеоном III. Они, конечно, не могли сорвать саму встречу, но сумели заблаговременно добавить в нее “ложку дегтя”.

Оба императора должны были прибыть в Штутгарт в сопровождении своих августейших жен, но незадолго до намеченного отъезда в Германию тюильрийский двор был уведомлен, что императрица Мария Александровна “по нездоровью” не сможет сопровождать супруга. Сама она в это время находилась совсем неподалеку – на своей родине в Дармштадте. Каким-то непостижимым образом русским недоброжелателям семейства Бонапарт удалось довести до сведения императрицы Евгении содержание письма Марии Александровны к одной из компаньонок, где говорилось о нежелании знакомиться с супругой Наполеона. Это признание сильно уязвило самолюбие Евгении. Позднее она признавалась графу Киселеву: “Письмо это показалось мне по меньшей мере жестоким (cruelle). Я решила не ехать в Штутгарт, несмотря на выраженное императором желание, и умоляла его не настаивать, говоря, что не могу преодолеть себя и что гораздо осторожнее отклонить неприятную встречу, которая может иметь только прискорбные последствия”²³.

Кто знает, возможно, организация этой интриги не обошлась без участия агентов Лондона или Вены. Но в любом случае вряд ли можно назвать случайными настойчивые хлопоты саксен-веймарского двора, родственного петербургскому, по организации встречи Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом сразу же по окончании встречи в Штутгарте. Эти хлопоты увенчались успехом. Весьма неохотно, но Александр все же согласился повидаться с Францем-Иосифом в Веймаре, на

²³ Цит. по: *Татищев С.* Указ. соч., с. 192.

обратном пути в Россию. Известие об этом, полученное Наполеоном накануне приезда в Штутгарт, неприятно поразило его, став второй “ложкой дегтя” в предстоявшем праздновании дня рождения вюртембергского короля. Одновременно до сведения графа Валевского, сопровождавшего своего императора в Штутгарт, “доброжелатели” сумели донести информацию о том, что “недомогавшая” в Дармштадте Мария Александровна тоже намерена принять у себя австрийского императора.

13 сентября оба императора, сопровождаемые своими министрами иностранных дел и министрами двора – графом В.Ф. Адлербергом и генералом Э.Ф. Флёри – съехались в Штутгарте. Их первая встреча, носившая характер знакомства, продолжалась не более получаса. В это время князь Горчаков в соседнем зале беседовал с графом Валевским. Беседы были прерваны обедом, по окончании которого Наполеон имел продолжительный разговор с Горчаковым, а император Александр разговаривал с сестрой Ольгой Николаевной, супругой вюртембергского наследного принца. Вечер оба императора провели в гостях у Ольги Николаевны, на ее вилле, куда на следующий день прибыла из Дармштадта внезапно выздоровевшая императрица Мария Александровна. Наполеон нанес ей визит вежливости. Супруга Александра выразила глубокое сожаление в связи с отсутствием императрицы Евгении.

15 сентября все собрались на дне рождения короля Вюртемберга. Накануне празднования и на следующее утро Александр и Наполеон в течение нескольких часов беседовали тет-а-тет. 16 сентября русская императорская чета отбыла в Дармштадт. Наполеон проводил их на железнодорожный вокзал и в тот же день покинул Штутгарт.

Каково было содержание переговоров двух императоров в Штутгарте? Никаких протоколов и записей там не велось, однако сохранились последующая дипломатическая переписка и отдельные свидетельства участников встречи, в том числе Александра II. Значительную часть времени у собеседников заняло обсуждение вопросов европейской политики и выяснение точек соприкосновения в позициях двух стран по интересующим их проблемам. Как Александр, так и Наполеон согласились в том, что всякие революционные потрясения опасны для мира и спокойствия в Европе. Наполеон жаловался Александру на вызывающее поведение Австрии в северной Италии, где она явно вышла за рамки договоров 1815 г. Он поинтересовался мнением царя относительно того, не настало ли время положить конец австрийскому присутствию на Апеннинском полуострове. Александр ограничился многозначительным заявлением, что не допустит повторения ошибки 1849 г., когда во время восстания в Венгрии Россия спасала Габсбургскую империю. Когда Наполеон поинтересовался целью предстоящей встречи Александра с Францем-Иосифом в Веймаре, русский император заверил, что эта встреча ни в каком случае не повлияет на его политический курс и на доверительные отношения с Францией; это не более чем вежливая формальность. (Так оно и будет. Свиданию с Францем-Иосифом в Веймаре Александр, не оправдав возлагавшихся на него венским двором надежд, придаст чисто формальный характер.)

На встрече в Штутгарте все шло хорошо до тех пор, пока, вопреки настоятельным советам графа Валевского, Наполеон не завел разговор о Польше. По возвращении в Париж он сам передал свой разговор об этом графу Киселеву. “Что касается отношений России и Франции, то я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым, – сказал он Александру. – Это вопрос польский, если он должен подняться снова и занять собой европейскую дипломатию, я имею обязательства, от которых не могу отречься, и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше. Об этом обязательстве я должен откровенно предупредить Ваше Величество, чтобы не пришлось прервать наши добрые отношения, которыми я так дорожу.”²⁴

Подобную откровенность Александр не мог воспринять иначе, как недвусмысленный ультиматум. С трудом скрыв негодование, он подчеркнуто холодным тоном ответил, что никто более его самого не желает Польше спокойствия и преуспевания, но что любое внешнее вмешательство в польские дела может только им повредить, возбудив у

²⁴ Там же, с. 194.

поляков несбыточные надежды. Как только Наполеон распрощался с ним, Александр, обратившись к кому-то из свиты, возмущенно произнес: “Со мной посмели заговорить о Польше”²⁵.

Наполеон совершил очередную, вторую по счету ошибку. Еще на Парижском конгрессе он пытался говорить о Польше с графом Орловым, однако тот не только отказался обсуждать эту тему, но и дал понять, что ради добрых отношений с Россией лучше ее не поднимать. Император французов проигнорировал дружеский совет. В результате подготовленные и согласованные в Штутгарте Горчаковым и Валуевским документы по вопросу о судоходстве через Дарданеллы и о государственном устройстве Дунайских княжеств так и остались не подписанными. Как образно заметил биограф Александра II, «роковое слово “Польша” внесло семя раздора в зарождавшуюся дружбу России и Франции»²⁶.

Тем не менее обе стороны демонстрировали полное удовлетворение состоявшимся знакомством двух императоров и результатами их переговоров. Киселев сообщал из Парижа, что французское общественное мнение приветствовало новый шаг в сближении двух стран, хотя оппозиционные органы печати и попытались приуменьшить значение встречи в Штутгарте, противопоставив ей предшествующую встречу Наполеона с королевой Викторией в Осборне. В ответ, как писал Киселев Горчакову 14 октября 1857 г., правительственные газеты выступили с серией публикаций, превозносящих франко-русскую дружбу²⁷.

Наполеон заверял Киселева в своем искреннем расположении к России, не преминув заметить при этом, что рассчитывает на поддержку России в деле “обретения Францией ее естественных границ по Рейну и Альпам”. “Европа, – продолжал он, – совершила по отношению к Франции очевидную несправедливость (имелись в виду Венские договоры 1815 г. – *П. Ч.*). Эта несправедливость должна быть исправлена. От этого будет зависеть сохранение мира”²⁸. А в другом разговоре император французов сказал Киселеву, что “рассматривает итальянский вопрос как постоянную угрозу миру в Европе”²⁹.

В этом деле, как полагал русский посол, Наполеон не мог рассчитывать на Англию, которая скорее поддержит Австрию, что послужит для императора французов дополнительным стимулом к дальнейшему сближению с Россией. Не случайно, отметил Киселев, в беседах с ним Наполеон часто связывал итальянский вопрос с проблемой Галиции, которая, по его мнению, должна отойти к России. “В числе заветных желаний, вынашиваемых этим государем, – писал Киселев Горчакову 18 сентября 1857 г., – на первом месте стоит вопрос о естественных границах (для Франции. – *П. Ч.*), но пока он не видит, когда сможет реализовать эту мечту”³⁰.

Со своей стороны временный поверенный в делах Франции в Петербурге Ш. Бодэн сообщал 2 октября 1857 г. Валуевскому в Париж, что в русском обществе встреча в Штутгарте трактуется как свидетельство намерения императора Наполеона отказаться от английского союза в пользу русского. Подобного рода настроения настолько усилились, что французскому дипломату пришлось даже в частных разговорах постоянно подчеркивать, что встреча в Штутгарте носила более личный, нежели политический, характер и что не в привычках императора французов изменять старым друзьям, но это, конечно, не мешает ему заводить новых³¹.

Между тем князь Горчаков по возвращении из Штутгарта передал французскому поверенному в делах, что император Александр полностью удовлетворен состоявшимся

²⁵ Там же, с. 195.

²⁶ Там же.

²⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1857 г., д. 143, л.

²⁸ Там же, л. 398 об. – 399 об. Недатированная записка Киселева.

²⁹ Там же, л. 411. Киселев – Горчакову, 29 октября 1857 г.

³⁰ Там же, л. 453 об. – 459 об.

³¹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1857, v. 215, fol. 85-86.

личным знакомством с императором Наполеоном³². Сами императоры воспользовались новогодними праздниками, чтобы во взаимных посланиях отметить важную роль встречи в Штутгарте для налаживания и углубления сотрудничества России и Франции³³.

Взвешенная оценка Штутгартской встречи была дана позднее, в Отчете министерства иностранных дел России за 1857 г. Как правило, отчеты за истекший год князь Горчаков представлял императору в марте следующего. В данном случае речь идет о марте 1858-го. Встреча в Штутгарте, состоявшаяся по инициативе Наполеона III, как отмечал Горчаков, стала результатом желания Франции заручиться поддержкой России для укрепления своего влияния в Европе. После окончания Восточной войны, писал министр иностранных дел, французское правительство “отчетливо осознало, что, несмотря на значительные жертвы и блестящую роль ее армии, влияние Франции оказалось парализовано влиянием Англии и Австрии. Сила обстоятельств толкала ее к тому, чтобы опереться на Россию”³⁴. Данная тенденция в политике Франции, продолжал Горчаков, отвечала интересам России, оказавшейся в одиночестве еще в период Крымской войны. Взаимная заинтересованность друг в друге и привела двух императоров в Штутгарт. Непредсказуемый характер Наполеона, склонного к неожиданным ходам, побуждал императора Александра к бдительности и осмотрительности. Перед ним стояла задача, с одной стороны, избежать возможных недоразумений и взаимных претензий от несовпадения позиций двух стран по отдельным вопросам, а с другой – не дать связать себя какими-то формальными обязательствами, не отвечающими национальным интересам России³⁵.

Откровенность состоявшихся между двумя императорами бесед, подчеркивал Горчаков, выявила взаимопонимание по большинству обсуждавшихся вопросов, а это дает все основания полагать, что “встреча в Штутгарте останется в истории памятным событием”³⁶.

Теперь, после того как окончательно определилась взаимная заинтересованность в двустороннем сотрудничестве, “важно, чтобы это желание было воплощено в конкретные дела, в совместные действия”, резюмировал министр иностранных дел России³⁷.

ПРИНЦ НАПОЛЕОН В ВАРШАВЕ. СЕНТЯБРЬ 1858 г.

Новый, 1858 г. начался с громкого происшествия в Париже, где 14 января было совершено покушение на жизнь Наполеона III. От взрыва трех бомб, брошенных итальянцем Феличе Орсини, пострадали более 150 человек из многочисленной толпы, собравшейся у здания Оперы. Террорист был схвачен на месте.

“Ужасное покушение, едва не прервало жизни Их Императорских Величеств, – сообщил в Петербург телеграфной депешей граф Киселев. – В момент, когда император и императрица подъезжали к Опере, три бомбы были брошены на пути их следования. Их Величества не пострадали. Публика встретила их появление в зале овациями, которые неоднократно возобновлялись до самого окончания представления... Собравшаяся перед театром толпа с энтузиазмом приветствовала выход Их Величеств. Бульвары на пути их следования по этому случаю были освещены фонарями”³⁸.

³² Ibid., fol. 106–112. Бодэн – Валевскому, 16 октября 1857 г.

³³ Новогоднее поздравление Наполеона от 2 января 1858 г. см. АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 68, л. 3–4. Весьма примечательно, что, высказав в письме надежду на упрочение двусторонних связей с Россией, Наполеон вместе с тем добавил, что это “не должно поссорить меня с Англией”. Последняя фраза была подчеркнута Александром II, который поставил на левом поле напротив восклицательный знак. Новогоднее поздравление Александра см. Там же, л. 9–10. См. также публикацию Л.А. Пуховой. – Исторический архив, 2007, № 6, с. 160.

³⁴ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, Отчет МИД за 1857 г., д. 41, л. 15.

³⁵ Там же, л. 16об.

³⁶ Там же, л. 17–17об.

³⁷ Там же, л. 18.

³⁸ Там же, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 115, л. 6–6об.

Сообщение Киселева вызвало самую сочувственную реакцию в семье императора Александра. В тот же день из Петербурга на имя посла ушла телеграфная депеша, составленная Горчаковым. В ней говорилось: “Император приказывает Вам от своего имени и от имени императрицы выразить их радость в связи с тем, что Божественным Провидением были спасены жизни императора и императрицы французов”³⁹.

На следующий день, 16 января, Александр принял временного поверенного в делах Франции маркиза де Шаторенара и передал ему письмо, адресованное Наполеону с выражением сочувствия по поводу “ужасного инцидента” и своей радости по случаю благополучного спасения⁴⁰.

Вероятно, Александр II посчитал недостаточным посредничество двух послов – он написал второе личное письмо Наполеону, поручив доставить это послание в Париж не обычному курьеру или дипломату, а своему генерал-адъютанту светлейшему князю Варшавскому, графу Эриванскому Ф.И. Паскевичу, сыну бывшего наместника Польши. Граф Киселев должен был известить тюильрийский двор о его предстоящем приезде⁴¹.

“Я хочу снова повторить Вам, – писал Александр Наполеону 19 января 1858 г., – с какой радостью мы узнали, что Провидение даровало Вам свою защиту, продлив Ваши и Императрицы дни. Мой генерал-адъютант князь Варшавский, на которого я возложил обязанность вручить это письмо лично Вам в руки, может засвидетельствовать Вашему Величеству те глубокие чувства, которые мы с императрицей испытали, узнав об ужасном заговоре против Вас. Он Вам расскажет, что только благодаря Господу мы сохранили рассудок после этого события, которое могло бы обернуться самым пагубным образом для благополучия Франции и спокойствия всей Европы. В том общем беспокойстве о Вашем Императорском Величестве Вы имели случай убедиться в ценности Вашей жизни. Вы можете быть уверены, что никто не осознает этого больше, чем я, и что это не просто чувство, вызванное переживаемым моментом. Это чувство отражает сердечность моего личного отношения к Вам. Я, как и Императрица, прошу Вас помнить об этом и принять наши искренние в том уверения, верить в то глубокое уважение и ту неизменную дружбу, которые я испытываю к Вам”⁴².

Помимо понятной человеческой солидарности с “добрым братом”, чудом избежавшим смерти, в письме Александра совершенно определенно выражалось беспокойство о возможных последствиях трагического исхода покушения для общей политической ситуации в Европе, совсем недавно пережившей волну революционных потрясений и Восточную войну. Никто не мог с уверенностью сказать, что произошло бы в самой Франции в случае гибели императора (и императрицы). Устояла бы Вторая империя, имея во главе двухлетнего младенца “Лулу”, как ласково называли единственного сына Наполеона, или верх взяли бы противники режима? И какая расстановка сил сложилась бы в европейском концерте держав? В любом случае – и Александр это хорошо понимал – наметившееся сближение с Францией было бы поставлено под вопрос и Россия рисковала вновь оказаться в одиночестве, как в 1853 – 1854 гг. В этом смысле чувства царя, выраженные в письме к императору французов, были совершенно искренними.

Это засвидетельствовал и маркиз де Шаторенар. В донесении графу Валуевскому он сообщал, что на недавнем дворцовом балу к нему подошли члены императорской семьи во главе с государем с выражением глубоких переживаний в связи со случившимся у здания Оперы трагическим происшествием. “Чувства императорской семьи, – добавлял Шаторенар, – повсеместно разделяют в здешнем обществе. Все эти дни я получаю многочисленные свидетельства сочувствия”⁴³.

Тем временем генерал Паскевич прибыл в Париж и уже на следующий день, 27 января, сопровождаемый графом Киселевым, получил аудиенцию у Наполеона III в Тю-

³⁹ Там же, д. 119, л. 5.

⁴⁰ См. Там же, д. 68, л. 13.

⁴¹ Там же, д. 119, л. 119. Горчаков – Киселеву по телеграфу, 19 января 1858 г.

⁴² Там же, д. 68, л. 15–15об. См. также: Исторический архив, 2007, № 6, с. 159.

⁴³ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 216, fol. 47 recto-verso.

ильри. Он передал императору письмо своего государя, а также письмо великого князя Константина Николаевича, составленное в самых теплых выражениях. Наполеон был очень приветлив с посланцем русского царя и поручил ему передать Александру слова благодарности и заверения в неизменности своих чувств, как и намерений продолжать курс на сближение с Россией⁴⁴. В завершение аудиенции он сказал, что к отъезду князя из Парижа подготовит ответное письмо императору Александру.

За время своего 10-дневного пребывания в столице Франции Паскевич был принят принцем Наполеоном, двоюродным братом императора, и принцессой Матильдой, его кузиной, обедал в кругу императорской семьи. Император пригласил его принять участие в охоте в окрестностях Рамбуйе. Одним словом, с посланцем царя обходились самым предупредительным образом, о чем Киселев не преминул доложить Горчакову в Петербург 8 февраля 1858 г.⁴⁵ На прощание Наполеон удостоил князя Варшавского ордена Почетного легиона. Вечером 6 февраля обласканный всеобщим вниманием генерал Паскевич с чувством выполненного долга и самыми приятными впечатлениями покинул Париж, увозя с собой личное послание императора французов императору Всея Руси⁴⁶.

Самым неожиданным образом “дело Орсини” сказалось на франко-британских отношениях. В ходе следствия выяснилось, что Орсини и его сообщники запасались оружием в Англии, где ощущали себя достаточно свободно. Это вызвало волну антианглийских публикаций во французской проправительственной печати.

В Тюильри уже давно были недовольны менторским тоном главы британского кабинета лорда Пальмерстона в отношении Франции. Император даже не скрывал раздражения и не раз высказывал недовольство не только послу ее величества в Париже, но и самой королеве, а также принцу-консарту, когда доводилось встречаться с ними. Политика кабинета Пальмерстона, не склонного считаться с интересами французского союзника, имела следствием постепенное охлаждение между Парижем и Лондоном. “Французский кабинет проявляет все большую свободу в своих действиях, – констатировал Горчаков в министерском отчете за 1858 г. – Отношения между двумя странами (Францией и Англией. – *П.Ч.*) представляют собой странный спектакль – согласие в словах, враждебность в делах”⁴⁷.

Падение Пальмерстона в феврале 1858 г. и приход к власти консервативного кабинета Дерби – Малмсбери не изменили этой тенденции. Наполеон понял, что не может рассчитывать на безусловную британскую поддержку в осуществлении своих замыслов в Италии. Здесь ему нужен был другой союзник, и он обрел его в Штутгарте.

Покушение Орсини побудило Наполеона не только ужесточить полицейский режим внутри страны, но и приступить к решению “итальянского вопроса”. Император постарался представить это дело таким образом, чтобы оно выглядело как проявление настойчивого желания итальянцев к полному освобождению от австрийского господства и объединению Италии. Правда, покушался Орсини почему-то не на жизнь Франца-Иосифа, а на жизнь Наполеона. Но и это очевидное обстоятельство император французов повернул так, как ему было выгодно. Мол, итальянские патриоты показывают ему, что разочарованы его бездействием в отношении Италии. Они ожидали, что он окажет помощь Пьемонту в борьбе с Австрией, но обманулись в своих надеждах.

Наполеон переслал графу К.Б. Кавуру, первому министру Сардинского королевства, письма Орсини, написанные перед казнью, где содержался призыв к освобождению Италии. Император просил опубликовать их в правительственной пьемонтской газете⁴⁸.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 115, л. 60–61. Киселев – Горчакову, 28 января 1858 г.

⁴⁵ Там же, л. 86–87об.

⁴⁶ В письме, датированном 5 февраля, Наполеон повторил те же слова благодарности и заверения в дружбе, которые он высказал на первой аудиенции, данной Паскевичу. – Там же, д. 68, л. 15–15об.

⁴⁷ Там же, ф. 137, оп. 475, Отчет МИД за 1858 г., д. 42, л. 8.

⁴⁸ См. *Charles-Roux F. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III*, 2-ème éd. Paris, 1913, p. 241.

А три месяца спустя, в июле 1858 г., он встретился с Кавуром на курорте в Пломбьере, чтобы обсудить план конкретных действий против Австрии.

Наполеон не мог приступить к реализации своих намерений, не будучи твердо уверен в поддержке Александра II. В принципе такая поддержка была обещана ему в Штутгарте. Теперь, прежде чем начать действовать, император французов хотел бы получить ей подтверждение. Для этого он решил направить на встречу с Александром II своего кузена, принца Наполеона. Было известно, что Александр намеревается в сентябре 1858 г. приехать в Польшу. Туда-то и отправился именитый наполеоновский эмиссар. Официальная цель его поездки была обозначена как упрочение связей двух царствующих домов.

25 сентября отдохавший в Биаррице Наполеон поручил Валуевскому передать новому послу Франции в Петербурге герцогу Н.О. де Монтебелло телеграмму следующего содержания: “Император, желая дать новое свидетельство своего дружеского расположения к императору Александру, направляет в Варшаву принца Наполеона”⁴⁹.

Это известие застало врасплох и царя, и его министра иностранных дел. Тем не менее для достойного приема принца незамедлительно были приняты все необходимые меры. “Император Александр распорядился подготовить резиденцию для проживания принца Наполеона, – сообщал в Париж герцог де Монтебелло. – На границе (Царства Польского. – *П. Ч.*) его будет ожидать специальный поезд. Князь Горчаков пока не называет имя того, кто будет встречать Его Высочество, но мне известно, что этим представителем уже назначен князь Варшавский”⁵⁰.

28 сентября принц Наполеон со свитой уже был в Варшаве, куда прибыл в сопровождении знакомого ему по недавним встречам в Париже генерала Паскевича, встречавшего его на прусско-польской границе. О своем приезде он лично известил императора Наполеона телеграммой⁵¹.

В первый же день состоялось его знакомство с Александром II, который пригласил принца присутствовать 29 сентября на учениях кавалерии и артиллерийских частей. Учения проходили под личным командованием императора. По их окончании, как сообщал принц в письме своему кузену, император любезно предложил ему принять участие в совместной охоте. Другим гостем был правящий герцог Саксен-Веймарский. После охоты был дан обед на 100 кувертов. Вечер завершился спектаклем и ночным праздником в дворцовом парке, принадлежавшем графу Августу Потоцкому. 30 сентября состоялись высочайший смотр войскам и обед в обществе императора, который вручил принцу орден св. Андрея Первозванного. Награды переданы были и сопровождавшим его французским офицерам⁵². Вечером того же дня Александр и принц Наполеон распрощались, вполне довольные друг другом.

Как мы уже знаем, принц приезжал в Варшаву не только для участия в царской охоте или ради присутствия на военных маневрах. Он имел совершенно конкретное поручение – обсудить с императором Александром перспективы разрешения противоречий в северной Италии, где Наполеон предполагал добиться уступки Францем-Иосифом Ломбардии сардинскому королю Виктору-Эммануилу, а для себя хотел заполучить Савойю и Ниццу. Поскольку королева Виктория не обнаруживала никакого желания поощрять Наполеона в осуществлении этого замысла, ему приходилось уповать только на поддержку Александра II. Решив не пускать это деликатное дело по обычным дипломатическим каналам, он использовал личную дипломатию.

Вот что по этому поводу писал Наполеон императору Александру 24 сентября 1858 г.: “Я решил послать к Вашему Императорскому Величеству принца Наполеона прежде всего для того, чтобы он предоставил Вам новое доказательство наших чувств, а также для обсуждения насущных дел. Идеи, которыми мы обменялись в Штутгарте,

⁴⁹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 217, fol. 151.

⁵⁰ Ibid., fol. 152. Шифрованная телеграмма от 26 сентября 1858 г.

⁵¹ Ibid., fol. 153 recto-verso. Шифрованная телеграмма от 28 сентября 1858 г.

⁵² Ibid., fol. 154. Принц Наполеон – императору Наполеону, 30 сентября 1858 г.

навсегда останутся запечатлены в моей памяти, а моим самым сильным желанием является увидеть, как они приведут к какому-нибудь определенному результату. Ваше Величество можете доверять моему кузену и быть уверены в том, что все, что Вы ему скажете, будет строго сохранено как им, так и мною.

Новости, которые я получил из Италии, заставляют меня опасаться осложнений с этой стороны. Я хотел бы в связи с этим, прежде чем принять участие в этом вопросе, условиться с Вашим Величеством, что должно быть предпринято, как это было оговорено в Штутгарте, и я связываю наш союз со свободным выполнением этих обязательств”⁵³.

Беседы принца Наполеона с русским императором велись без протоколов и лишних свидетелей. Исключение составлял князь Горчаков, которого приглашали для получения дополнительных разъяснений. Именно в ходе этих встреч возникла идея о необходимости заключения между двумя странами секретного договора о взаимодействии в случае франко-австро-сардинской войны. Принц Наполеон уехал в Париж, получив обещание косвенно, но эффективно поддержать Францию в назревавшем конфликте с Австрией. Детали договорились обсудить на специальных, сугубо секретных переговорах между военными специалистами и дипломатами. Покидая Варшаву, принц в свою очередь недвусмысленно дал понять Александру II, что император Наполеон будет готов предоставить России “поддержку Франции в перспективе пересмотра Парижского договора”⁵⁴. Сколько таких обещаний царю и его министру иностранных дел еще придется услышать от доверенных лиц императора французов!

Сам Александр в письме к Наполеону от 30 сентября оценил встречу в Варшаве следующим образом: “Я благодарю Ваше Императорское Величество за то, что Вы отправили принца Наполеона. В этих Ваших действиях я увидел еще одно доказательство Вашей дружбы. Как Вы и хотели, принц Наполеон говорил о вопросах, которые являлись темой наших переговоров в Штутгарте. Я люблю возвращаться в мыслях к этому времени. Оно явилось началом наших личных взаимоотношений. И развитие этих отношений будет служить интересам наших стран, я в этом уверен. Принц Наполеон выполнил свое поручение с полной ответственностью и искренностью. Я ответил на это со всем доверием, что Вы вдохновляете меня и что я прошу Вас позволить мне гордиться тем, что Вы отправили ко мне Вашего кузена. Он подтвердит Вам мою убежденность в отношении преданности идеям, которыми мы обменялись в Штутгарте, и удовлетворение, которое я испытываю от создания новых связей, которые укрепили наши отношения”⁵⁵.

По возвращении принца в Париж граф Киселев проинформировал Горчакова о реакции в обществе на варшавскую встречу. Отметив, что она привлекла к себе широкое внимание, русский посол выделил три точки зрения на состоявшиеся переговоры. “Одни, – писал Киселев Горчакову 6 октября 1858 г., – усмотрели в этом шаг к согласию между нами и Францией по политическим вопросам, стоящим сегодня в повестке дня. Другие связывают с этим возможность приезда в Париж нашего августейшего государя... А некоторые газеты распространяют слухи, будто в Сен-Клу⁵⁶ остались недовольны тем приемом, который был оказан в Варшаве кузену императора Наполеона”⁵⁷.

Действительно, император Александр принимал принца Наполеона со всей подобающей вежливостью, но вместе с тем и достаточно сдержанно. О причинах такой сдержанности, неоставшейся незамеченной, можно только догадываться. Может быть, все дело было в репутации принца, которого многие во Франции считали “красным” за его республиканские симпатии и связи, в частности, в кругах польской эмиграции. Принц неоднократно выступал с заявлениями в защиту “угнетенной Польши”. К тому же в Петербурге знали, что кузен императора не пользуется большим влиянием в Тюильри,

⁵³ Исторический архив, 2007, № 6, с. 161.

⁵⁴ Charles-Roux F. Op. cit., p. 243.

⁵⁵ Исторический архив, 2007, № 6, с. 160–161.

⁵⁶ Сен-Клу – одна из загородных резиденций Наполеона III.

⁵⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 118, л. 476–477.

и, видимо, гадали, почему именно ему была доверена столь деликатная миссия, нет ли здесь какого-то подвоха.

Конечно же, граф Валевский в ответ на соответствующий запрос Киселева, решительно опроверг эти “необоснованные слухи”⁵⁸.

Между тем герцог де Монтебелло сообщал в Париж о большом впечатлении, которое произвела на русское общество встреча императора Александра и принца Наполеона в Варшаве. Иностранцы же, находящиеся здесь, отмечал посол, обращают внимание на то, что впервые император Наполеон проявил подобный акт вежливости в отношении царя. “Один из них, – писал Монтебелло Валевскому 30 сентября 1858 г., – выразил эти настроения следующей фразой: «До сих пор император Наполеон ограничивался тем, что позволял себя любить». “В целом же, – резюмировал Монтебелло, – поездке принца Наполеона придают здесь важное политическое значение, не уточняя, правда, что под этим понимают”⁵⁹.

Вернувшийся из Варшавы князь Горчаков, словно дезавуируя слухи, распространявшиеся в Париже, заверил Монтебелло, что принц Наполеон произвел наилучшее впечатление на императора Александра. “Он показался ему умным, тактичным и взвешенным в суждениях. Манера его обхождения со всеми, с кем он общался, снискала ему всеобщее расположение”, – цитировал Горчакова французский посол в письме Валевскому 6 октября 1858 г.⁶⁰

В развитие достигнутых в Варшаве договоренностей в ноябре 1858 г. в Петербург прибыл эмиссар императора французов флотский капитан барон де Ла Ронсьер де Нури, уполномоченный вести переговоры о заключении двустороннего соглашения относительно взаимодействия в северной Италии⁶¹.

Переговоры, проходившие в обстановке строжайшей секретности, завершились подписанием 3 марта 1859 г. тайного договора⁶², по которому Александр II, по существу, благословлял Наполеона III на войну с Австрией, пообещав ему благожелательный нейтралитет. Россия обязалась не препятствовать расширению Сардинского королевства, союзника Франции, с последующей передачей последней Савойи и Ниццы в обмен на Ломбардию, из которой предстояло изгнать австрийцев. Устно Наполеону было дано обещание в случае войны придвинуть к восточным границам Австрии несколько русских корпусов, чтобы помешать переброске австрийских подкреплений на север Италии.

В результате короткой военной кампании 1859 г. франко-сардинские войска нанесли австрийцам три решающих поражения – при Монтебелло, Мадженте и Сольферино, – вынудив Франца-Иосифа подписать 8 июля 1859 г. унижительное для Австрии Виллафранкское перемирие⁶³. В ходе послевоенного мирного урегулирования Франция получила дипломатическую поддержку со стороны России. Желанная цель Наполеона III была достигнута. Савойя и Ницца перешли к Франции, а Пьемонт в порядке компенсации получил отторгнутую от Австрии Ломбардию.

В ответ на поддержку французских притязаний на Савойю и Ниццу император Александр ожидал от Наполеона обещанного содействия в отмене хотя бы некоторых ограничений, наложенных на Россию Парижским мирным договором 1856 г. Однако тот, не желая, по-видимому, обострять отношения с Англией, не спешил с выполнением данного обещания, предпочитая отделяться расплывчатыми декларациями, что породило у петербургского двора разочарование, вскоре переросшее в раздражение.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1858, v. 217, fol. 155 verso – 156.

⁶⁰ Ibid., fol. 164 – 165.

⁶¹ Цели и характер миссии де Ла Ронсьера де Нури отражены в его переписке с князем Горчаковым и в предложенном им проекте секретного договора. – ААЕ, Mémoires et Documents, v. 45, fol. 181–186 verso; 216–217 verso.

⁶² См. К истории франко-русского соглашения 1859 г. Под ред. Ф. Ротштейна. – Красный архив, 1938, т. 33 (88), с. 182–255.

⁶³ См. *Bourgéie R. Magenta et Solferino* (1859). Napoléon III et le rêve italien. Paris, 1993.

ДИПЛОМАТИЯ ЛАЗУРНОГО БЕРЕГА

Для все возраставшего раздражения у Петербурга имелись веские основания. Мало того, что Наполеон, по существу, обманул Александра в вопросе о пересмотре Парижского договора, он еще и постепенно отказался от прежней поддержки России в восточных делах. Французская дипломатия на Востоке вернулась к политике начала 1850-х годов, предшествовавших Крымской войне. Вскрылись давние противоречия на Балканах, вновь начались споры о праве покровительства христиан Оттоманской империи, а также относительно реставрационных работ в Храме Гроба Господня в Иерусалиме, где возобновилась тяжба между восточными и западными христианами, за спиной которых стояли Россия и Франция.

Но самой серьезной проблемой в русско-французских отношениях стала недвусмысленная поддержка Францией польского восстания 1863 г., перечеркнувшая надежды на дальнейшее сближение двух стран.

Все это отразилось и на династических контактах между петербургским и тюильрийским дворами. Они утратили первоначальную оживленность и исключительность, а главное, политическое содержание. С начала 1860-х годов контакты эти приобрели рутинный характер, не выходящий за рамки обычных для европейских дворов ритуальных акций – взаимных поздравлений по случаю радостных событий и выражений соболезнования по поводу утрат в августейших семействах.

Единственным, по сути, каналом династической дипломатии, помимо обменов формальными письмами, оставались эпизодические встречи представителей династии Бонапартов с Романовыми, полюбожившими отдыхать на благословенном Лазурном берегу, который достался Франции, как уже отмечалось, при поддержке России.

Моду на зимний отдых в Ницце для русской аристократии ввела вдовствующая императрица Александра Федоровна. Впервые она побывала здесь в 1856 г., сразу же по окончании Крымской войны, когда Лазурный берег (графство Ницца) еще входил в состав Сардинского королевства. С тех пор Александра Федоровна, а вслед за ней и другие представители августейшего семейства ежегодно и подолгу отдыхали в Ницце. Вдовствующая императрица любила останавливаться на несуществующей ныне вилле Авигдор, на Английской набережной. Ее стараниями и на средства образовавшейся здесь русской аристократической колонии в квартале Лоншан началось строительство небольшого православного храма. Первый камень в его основание заложил 14 декабря 1858 г. великий князь Константин Николаевич, посетивший Французскую Ривьеру, как назывался тогда Лазурный берег. Через год с небольшим, 12 января 1860 г., храм был освящен во имя Святителя и Чудотворца Николая и Мученицы Царицы Александры в присутствии герцогини Лейхтенбергской – великой княгини Марии Николаевны, сестры Александра II. Тогда же, в 1860 г., известный литератор князь П.А. Вяземский основал при храме библиотеку, ставшую центром русской культуры на Лазурном берегу.

Александра Федоровна сумела побудить муниципалитет Ниццы начать строительство дороги вдоль побережья до Вильфранша, где генерал-адмирал Константин Николаевич мечтал арендовать бухту для устройства русской военно-морской базы. Правда, переговоры на эту тему не увенчались успехом. Франция, даже будучи в то время дружественным к России государством, не пожелала иметь на своей территории иностранную базу. Зато правительство Наполеона III с готовностью одобрило заказ главноначальствующего российским флотом на строительство двух военных кораблей – императорской яхты “Штандарт” и фрегата “Светлана” – на верфях в Бордо⁶⁴.

В октябре 1864 г. жители Ниццы и отдыхающие восторженно встречали русскую императорскую чету – Александра II и императрицу Марию Александровну, которых сопровождали наследник престола великий князь Николай Александрович и великий князь Константин Николаевич. Никто из встречавших не знал, что на этот раз членов августейшего семейства в Ниццу привела беда. У 21-летнего цесаревича прогресси-

⁶⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1858 г., д. 120, л. 309.

вала чахотка, как тогда называли туберкулез. Родители надеялись, что солнце и воздух Французской Ривьеры спасут жизнь их старшего сына. Все другие средства были исчерпаны, и доктора беспомощно разводили руками, уповая лишь на чудодейственный средиземноморский климат да милость Божию.

Сюда же, в Ниццу, чтобы засвидетельствовать почтение русской императорской чете, специально прибыл император Наполеон. Императоры нашли возможность обменяться мнениями по ряду актуальных вопросов, однако польская тема после недавнего подавления русской армией восстания поляков, поддержанных французами, не позволила восстановить прежнее взаимопонимание. В конечном счете все свелось к обычным формулам вежливости. Затем Наполеон вернулся в Париж, а Александр отправился обратно в Россию вместе с Константином Николаевичем, которому через два месяца предстояло занять пост председателя Государственного совета.

В начале апреля 1865 г. из Ниццы в Петербург пришло сообщение о резком ухудшении здоровья наследника. По единодушному мнению наблюдавших за ним докторов, дело приняло плохой оборот: туберкулез осложнился менингитом. Трагической развязки можно было ожидать со дня на день. 16 апреля в Ниццу выехал великий князь Александр Александрович, младший брат цесаревича, а 18-го – и сам государь, сопровождаемый великими князьями Владимиром и Алексеем. Французский посол в Петербурге барон Шарль де Талейран сообщал своему министру иностранных дел, что Александр II не задержится в Париже и у него будет только несколько часов, чтобы встретиться с Наполеоном. “Русское правительство, – писал Талейран, – предписало священнослужителям молиться за исцеление великого князя-наследника. Я счел своим долгом попросить настоятеля посольского храма отслужить завтра утром мессу за восстановление здоровья Его Императорского Высочества”⁶⁵.

Путь из Петербурга до Ниццы царский поезд проделал с невероятной быстротой – всего за 85 часов – и лишь с двумя остановками: в Берлине, где Александра встречал его дядя король Вильгельм, и в Париже, где на Северном вокзале императора ожидал Наполеон. В Дижоне к царскому поезду присоединился другой, на котором следовала датская королевская семья – вместе с принцессой Дагмарой, невестой умирающего цесаревича.

Оба состава прибыли в Ниццу 22 апреля, а в ночь с 23 на 24 наследник русского престола великий князь Николай Александрович скончался на вилле Бермон⁶⁶, успев попрощаться с близкими. Когда он умирал, одну его руку держали родители, другую – принцесса Дагмара и любимый брат Александр. По воле умирающего и при согласии принцессы Дагмары, она станет невестой великого князя Александра Александровича, а впоследствии – императрицей Марией Федоровной. Останки цесаревича были перенесены на фрегат “Александр Невский”, который отплыл из Вильфранша в Кронштадт. 29 апреля из Ниццы выехала императорская семья.

Комментируя смерть наследника-цесаревича, Талейран писал из Петербурга в Париж: “Великий князь Николай останется в памяти своих современников как интересная, поэтическая фигура. Свойственное русскому народу живое воображение было потрясено трагической картиной жизни, разбитой в двадцать лет, вдали от родной земли, а также тем, как этот принц, на которого возлагалось столько преждевременных надежд, умирал на руках своей невесты и своих родителей, поспешивших из дальних уголков Европы, чтобы проститься с ним. С подлинно христианским смирением он ушел из жизни, которая обещала ему все мыслимые радости и величие”⁶⁷.

⁶⁵ ААЕ, *Correspondance politique, Russie, 1865, v. 234, fol. 122–125*. Талейран – Друэн де Люису, 18 апреля 1865 г.

⁶⁶ В том же 1865 г. Александр II приобрел в собственность виллу Бермон. Там была устроена часовня в память цесаревича Николая Александровича.

⁶⁷ ААЕ, *Correspondance politique, Russie, 1865, v. 234, fol. 126 recto-verso*. Талейран – Друэн де Люису, 26 апреля 1865 г.

Когда в Париж из Ниццы пришло телеграфное сообщение о кончине наследника русского престола, Наполеон III распорядился отменить намеченный большой бал в Тюильри. При дворе объявили продолжительный траур. Впрочем, это была лишь дань общепринятой в тогдашней монархической Европе практике. Цесаревич умер на французской земле, и это налагало на тюильрийский двор определенные правила этикета.

Покидая Лазурный берег, убитый горем царь распорядился передать 3 тыс. франков из личных средств в пользу нуждающихся Вильфранша. Деньги в конце мая 1865 г. были переданы мэру Вильфранша российским консулом в Ницце⁶⁸. По возвращении в Россию Александр II отправил в Париж символический подарок, который можно было воспринять как напутствие сыну и наследнику Наполеона III. Принц был отмечен орденом св. Андрея Первозванного. Высшую награду Российской империи в Париж доставил флигель-адъютант императора полковник князь Витгенштейн. Он же передал Наполеону личное письмо Александра II⁶⁹.

Год спустя после печального для императорской семьи события в Ницце в Петербурге произошло другое драматическое событие, имевшее, правда, счастливый исход. 4 (16) апреля 1866 г. некто Дмитрий Каракозов, террорист-одиночка, стрелял в Александра II, совершавшего ежедневную прогулку по Летнему саду. Стрелявший промахнулся и был схвачен на месте преступления. Первый в русской истории публичный террористический акт в отношении государя вызвал в Европе настоящую сенсацию и волну сочувственных откликов со стороны европейских монархов. Не остался в стороне и император французов, сам переживший несколько покушений на свою жизнь. Он поспешил выразить русскому “брату и доброму другу” свое глубокое сочувствие и одновременно радость по случаю благополучного спасения. В ответном письме царь поблагодарил Наполеона за выраженную “в такой печальной ситуации” солидарность. “Вы знаете, – писал Александр 12 апреля (с.с.) 1866 г., – насколько болезненно переживание этого события. Тем не менее я нахожу простое утешение в защите Бога, которую мы смогли сохранить, а также в трогательных проявлениях нежности и любви, которые я получаю со всех сторон”⁷⁰.

В том же 1866 г. оба императора в личной переписке обменивались оценками политической ситуации в Европе в связи с австро-прусской войной. В то время как Александр II безусловно поддерживал своего ближайшего союзника Пруссию, король которой приходился ему родным дядей, Наполеон III уже начал ощущать возрастающую прусскую угрозу для Франции и потому выступал в поддержку Австрии, видя в ней естественный противовес Пруссии не только в Германии, но и в Европе в целом.

Победа набиравшей силу Пруссии в войне с дряхлевшей на глазах Австрией имела следствием заметные сдвиги в расстановке сил в центре Европы. Наибольшую обеспокоенность в этом отношении стал проявлять Наполеон III, осознававший всю серьезность появления на восточных границах Франции опасного и сильного противника в лице Пруссии. После сокрушительного поражения Австрии (война продолжалась всего месяц) Александр II тоже стал задумываться над тем, как может отразиться на позициях России дальнейшее наращивание военно-политической мощи родственного ей берлинского двора. Кто знает, возможно, царь вспомнил тогда и о предостережении Наполеона относительно возможных последствий объединения Германии для Франции и России. “Интересы России являются такими же, как и Франции, – писал Наполеон Александру 16 июля 1866 г., – потому что ни одна, ни другая империя не может согласиться с тем, что вся Германия окажется объединена под одним скипетром”⁷¹.

Новый расклад сил в Германии после австро-прусской войны ставил в повестку дня необходимость личной встречи императоров России и Франции. Такая возможность представилась весной 1867 г. в связи с открытием в Париже Всемирной выставки, куда

⁶⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1865 г., д. 139, л. 161.

⁶⁹ Там же, л. 179-179об.

⁷⁰ Исторический архив, 2007, № 6, с. 172.

⁷¹ Там же, л. 174.

был приглашен Александр II. Наполеон рассчитывал заручиться поддержкой царя в назревающем конфликте с Пруссией. Но Александр II, стремясь избежать вовлечения в ненужный ему франко-прусский конфликт, обусловил свой приезд в Париж аналогичным приглашением туда прусского короля Вильгельма I. Царь надеялся каким-то образом примирить Францию и Пруссию. С большой неохотой Наполеон вынужден был принять это условие.

4 мая 1867 г. в личном письме он предложил Александру при посещении Парижа остановиться в Елисейском дворце⁷².

АЛЕКСАНДР II В ПАРИЖЕ. ИЮНЬ 1867 г.

Царь с благодарностью принял приглашение Наполеона. “Я считаю, что при нынешнем положении вещей откровенные объяснения могут рассеять недопонимание, сблизить взгляды государей и правительств и спасти тем самым Европу от последствий, опасных для всеобщего процветания, – писал Наполеону II русский император 16 мая 1867 г. – Я буду искренне рад, если наша с Вами встреча, укрепляющая наши давние отношения, могла бы способствовать достижению желаемого результата”⁷³.

1 июня 1867 г. император Александр прибыл в Париж в сопровождении сыновей Александра и Владимира, а также князя Горчакова. Царь был в хорошем расположении духа, что объяснялось не только естественным ожиданием новых интересных впечатлений, но и предстоящей встречей с княжной Екатериной Долгоруковой, его последней возлюбленной, отправленной несколько месяцев назад по настоянию императрицы в “ссылку” в Италию. Теперь опальная княжна спешила из Италии в столицу Франции, где они с Александром намеревались провести “медовый месяц”.

В то время как официальный Париж встретил царя со всей подобающей торжественностью, парижане, подготовленные либеральной прессой, отреагировали на его приезд достаточно прохладно, дав понять, что не забыли жестокого подавления русскими польского восстания. То там, то здесь проезд русского императора сопровождали возгласы из толпы зевак: “Да здравствует Польша!”.

Польская тема получила неожиданный поворот 6 июня 1867 г., когда Александр и Наполеон возвращались в открытой коляске с показательных военных учений. Экипаж неспешно двигался через Булонский лес, как вдруг один за другим прозвучали два пистолетных выстрела. Пули пролетели, никого не задев. Пока полицейский эскорт обезоруживал террориста, коляска с двумя императорами устремилась вперед. Наполеон мрачно сказал Александру: “Если это итальянец, то он хотел убить меня, а если поляк – то вас”⁷⁴.

В тот же день выяснилось, что пули предназначались русскому царю, в которого стрелял 25-летний поляк Антон Березовский. Наполеон был озадачен драматическим инцидентом. Сопроводив Александра до Елисейского дворца, он отправился в Тюильри, куда были вызваны высшие чины полиции с отчетом о происшествии в Булонском лесу. Некоторое время спустя в парижскую резиденцию Александра II прибыла по просьбе супруга, опасавшегося, что царь может прервать свой визит, императрица Евгения. Она умоляла Александра не драматизировать инцидент и остаться в Париже, уверяя, что французская нация единодушно осуждает безрассудный поступок террориста⁷⁵.

⁷² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1867 г., д. 61, л. 3–3об. Елисейский дворец был резиденцией Луи-Наполеона в бытность его президентом Французской республики.

⁷³ Там же, л. 6–6об.

⁷⁴ Цит. по: *Carteret A. Napoléon III. Actes et paroles*. Paris, 2008, p. 200.

⁷⁵ Уже на следующий после покушения день на имя императора Александра пошел поток сочувственно-поздравительных адресов от парижан и жителей других французских городов. “Вся Франция в едином порыве осуждает это безумное и ужасное преступление”, – говорилось в одном из адресов, присланных рабочими и служащими судоверфи в Кале. См. АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1867 г., д. 63, л. 203–203об.

Русский император внял доводам Евгении, лично пережившей в 1858 г. покушение у здания парижской Оперы, и согласился продолжить свое пребывание в Париже. Помимо всего прочего ему хотелось продлить “медовый месяц” с милой Катей (как он ее называл) Долгоруковой, которая делила с императором немногие часы досуга. Именно здесь, в Париже, их отношения стали по-настоящему серьезными и глубокими⁷⁶.

Наполеон, хорошо осведомленный о личных обстоятельствах Александра, мог вздохнуть спокойно. Инцидент, грозивший разрушить отношения двух императоров, казался, был исчерпан.

Однако возобновившиеся конфиденциальные консультации с русским самодержцем не оправдали первоначальных надежд Наполеона. Его гость продолжал настаивать на том, что не следует преувеличивать степень угрозы со стороны Пруссии как для Франции, так и для европейского спокойствия в целом. Мол, и король Вильгельм, и его министр князь Бисмарк настроены вполне миролюбиво. Россия же, со своей стороны, всегда будет готова оказать посреднические услуги Парижу и Берлину в случае возникновения каких-то трений и недоразумений. Наполеон всячески пытался убедить Александра в реальной опасности поглощения Пруссией всей Германии, но при этом не мог избавиться от ощущения, что царь его как будто бы не слышит.

С точно такой же глухотой своего собеседника сталкивался и русский император, стоило ему только завести речь о восточных проблемах, в частности о передаче Крита Греции и о предоставлении автономии христианским народам Османской империи.

Но особенно Александра огорчило то, что за все время его бесед с Наполеоном тот ни разу не затронул самую важную для России тему – пересмотр Парижского мира 1856 г. “Молчание Наполеона III по столь чувствительному для России вопросу, – отмечает французский биограф Александра II Э. Каррер д’Анкокс, – обеспечило победу прусского лагеря и позволило Бисмарку двигаться, не будучи стесненным франко-русским соглашением, к заветному единству Германии”⁷⁷.

Царь чувствовал себя обманутым и обратил свой взор в сторону Пруссии. Добрый дядюшка Вильгельм с готовностью пообещал племяннику посодействовать в том, в чем тот не нашел понимания у Наполеона.

Политические итоги пребывания Александра II в Париже оказались неутешительными. Можно полностью согласиться с мнением изучавшей эту тему Л.А. Пуховой: “Наполеон III пытался действовать в традиционной для него манере, желая получить поддержку и не давая ничего взамен, а Россия не была готова согласиться на такие условия”⁷⁸.

* * *

Более чем 10-летний опыт русско-французской династической дипломатии после окончания Крымской войны убедил Александра II в неискренности намерений Наполеона III в отношении России. Это в определенной мере обоснованное убеждение усилило недоверие царя к Франции и одновременно подтолкнуло к более тесному сближению с Пруссией. При этом Александр совершил очевидную стратегическую ошибку, не просчитав всех последствий поглощения Пруссией Германии, о чем его предупреждал Наполеон в 1867 г. Сокрушительное поражение Франции в войне с Пруссией, сопровождавшееся падением Второй империи в сентябре 1870 г., стало для русского царя полной неожиданностью. “Александр II и Наполеон III недооценили, каждый по своим

⁷⁶ По возвращении в Петербург, невзирая на мнение семьи и пересуды при дворе, император поселил возлюбленную неподалеку от своей резиденции, а впоследствии и в самом Зимнем дворце.

⁷⁷ Каррер д’Анкокс Э. Александр II. Весна России. М., 2010, с. 164.

⁷⁸ Пухова Л.А. Визит Александра II в Париж в 1867 г. – Вестник Московского университета, сер. 8. История, 2008, № 6, с. 69.

причинам, быстрое превращение Пруссии в империю”, – справедливо замечает Э. Каррер д’Анкосс⁷⁹.

После Седанской катастрофы, завершившейся пленением Наполеона III и революцией 4 сентября 1870 г., императрица Евгения вместе с сыном бежала в Англию, откуда через русского посла Ф.И. Бруннова обратилась к Александру II с убедительной просьбой при подписании мирного договора не допустить расчленения Франции. Она апеллировала к чувству справедливости, свойственному ее “доброму брату”, а также к воспоминаниям о лучших временах, когда представители двух царствующих домов встречались и решали важные вопросы европейской политики⁸⁰.

2 октября с курьером британского посольства в Лондон из Петербурга был отправлен ответ Александра II. Он заверил императрицу Евгению, что приложит все усилия, чтобы будущий мирный договор был “справедливым и умеренным”. “Я делал и постараюсь сделать все возможное, чтобы достичь такого результата. Благодарю Вас за добрую память и за то доверие, которое Вы испытываете ко мне”, – писал Александр⁸¹.

Как известно, данное им обещание было исполнено лишь в самой незначительной степени. По условиям Франкфуртского мира 1871 г. Франция лишилась двух восточных провинций – Эльзаса и Лотарингии, которые отошли к Германии. Кроме того, на Францию была наложена контрибуция в размере 5 млрд. франков. Александру II удалось лишь несколько умерить аппетиты Вильгельма I и Бисмарка, добившись снижения суммы первоначально запрошенной ими контрибуции.

Франко-прусская война, завершившаяся унижением Франции и появлением на континенте мощной Германской империи, нарушившей существовавшее равновесие, быть может, напомнила Александру II о предостережениях Наполеона III. Во всяком случае пруссофильство Александра после Франкфурта несколько пошло на спад. “Нам нужна сильная Франция”, – с опозданием заявил канцлер Горчаков, явно адресуясь к Бисмарку⁸², а в 1875 г. решительный демарш России помешал Германии развязать новую агрессию против обессиленной Франции.

Что же касается династической дипломатии, то опыт ее применения в отношениях между Россией и Францией в 1856–1870 гг. убедительно показал, что она была не более чем дополнительным инструментом национальной внешней политики, которая руководствовалась исключительно государственными интересами каждой из двух держав.

⁷⁹ Каррер д’Анкосс Э. Указ. соч., с. 164.

⁸⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 52, л. 3–5об.

⁸¹ Там же, л. 9–9об.

⁸² Цит. по: Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975, с. 52.